

Докучаев И. И.
I.I. Dokuchaev

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИОЛОГИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ: НОВЫЕ ВОДОРАЗДЕЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ» (1 - 3 АПРЕЛЯ 2010 г., МОСКВА)**

**INTERNATIONAL CONFERENCE “SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES:
NEW BOUNDARIES AND NEW PERSPECTIVES OF COLLABORATION”
(APRIL 1 – 3, 2010, MOSCOW)**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Илья I. Dokuchaev – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for PR, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Эта конференция собирается уже регулярно. Бессменный руководитель ее – доктор искусствоведения, директор Российского института культурологии Кирилл Эмильевич Разлогов проводил аналогичные форумы с участием искусствоведов и филологов, антропологов и этнологов; теперь на randevу с культурологами пришли социологи.

В начале несколько слов о формате и условиях проведения. Белые столбы – маленький поселок в Подмосковье. Примечателен он тем, что в нем расположен Госфильмофонд России и пансионат, ему принадлежащий. В этом-то пансионате и проходила конференция. Территория пансионата невелика, но располагает к покою и вдохновенному созерцанию: искусство и наука как раз подобного состояния души человеческой и требуют для своего процветания. Весенний парк еще не оттаял от последнего зимнего снега, проложенные там аллеи и скамейки уютно приглашали прохожего в свой мир. Киноцентр лаконично дополнял эту загородную идиллию.

Зал киноцентра велик для проведения конференции, хотя среди ее участников – более полусотни ученых. На одном конце его прямоугольника – экран, на другом – центральный стол собрания. Драматургия конференции оригинальна: ни один день не повторяет формата других. Открытие – пленарное заседание, на следующий день – самый насыщенный – дискуссионные панели, в завершение – итоговый круглый стол. Вечерами много общения и – в духе местности – просмотр фильмов. На один из них приезжала даже Валерия Гай Германика, любезно согласившаяся показать новые части сериала «Школа» и ответить на вопросы.

Пленарное заседание открылось первого апреля. К сожалению, доклады почти всех его участников к теме отношения не имели. Только Вадим Михайлович Межуев напомнил собравшимся о концепции Эдуарда Саркисовича Маркаряна, разделявшего предметы культурологии и социологии, используя понятия социальной связи и способа и результата человеческой деятельности. Социология изучает связи, а культурология – способ деятельности. Собственные идеи В.М. Межуева, высказанные им на конференции, сводились к тому, что культурология изучает традиционную культуру, а социология – массовое общество, и что потребность в понятии «культура» возникает в Новое время, когда на смену объясняющей мир и историю идее природной необходимости, разработанной в натурфилософской рефлексии Античности, и идее божественного провидения, разработанной в теологической рефлексии Средневековья, приходит идея свободной человеческой личности, творящей культуру. Эти концепции не лишены определенной теоретической элегантности, но, опять-таки, к сожалению, очень упрощают и искажают реальную картину истории и науки. В самом деле, нет необходимости говорить о том, что как для социологии, так и для культурологии не су-

Докучаев И. И.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ: НОВЫЕ ВОДОРАЗДЕЛЫ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

(Москва, 1 – 3 апреля 2010 года)

существует никаких исторических рамок собственной предметности. Социология традиционного общества настолько же возможна и реальна, насколько возможна и реальна культурологии массового общества. Программного выступления, посвященного демаркации культуры и общества, а также наук, их исследующих, не получилось.

Второго апреля прошли кульминационные моменты конференции – три дискуссионных панели: «Социология перед лицом поворота к культуре: За или Против», «Культурные сообщества и множественная идентичность: Вызов социологии» и «Социология Постмодерна и культурология Постпостмодерна: Проблемные поля и ракурсы интерпретации». Каждая дискуссия начиналась двумя установочными докладами, а затем наступал черед участников. Регламент выступлений предусматривал одно обязательное и возможность неограниченного количества реплик по ходу обсуждения. Надо сказать, что среди участников было очень мало социологов. Крупных же ученых, способных к радикальным и систематическим обобщениям предмета социологии, рефлексии пограничных с ней областей науки, вообще было только пара человек. Ожидание, высказанное В.М. Межуевым и разделяемое многими участниками форума, послушать, что думают социологи о культуре и культурологии, не оправдалось. Еще одна немаловажная характеристика аудитории – ее ярко выраженный московский характер. Большинство участников редко или никогда не приезжают в Санкт-Петербург на Культурологические конгрессы, а завсегда на конгрессов, наоборот, не присутствуют на московских собраниях. Это, конечно, устраняет многие предпосылки для понимания тех или иных суждений. Наконец, формат конференции оказался несколько провокационным, то есть осмелевшие завсегда пользовались, и охотно, своей возможностью провозглашать реплики в любом объеме и в любое время, а скромные гости тушевались и молчали. Сложно проводить круглый стол, когда в нем участвуют одновременно 50 человек. Все это осложнялось еще и тем обстоятельством, что обязательные участники, как правило, вообще выпадали из дискуссии, говорили о своем, уводили обсуждение в сторону или в никуда. Однако, несмотря на эти сложности, модераторам дискуссии в целом удавалось с помощью интересных комментариев и сравнительных анализов выступлений выдерживать соответствие дискуссии заявленной теме или, по крайней мере, сообщать ей единство. Особенно тонко это было сделано Ю.М. Резником и Д.П. Баком.

Среди установочных докладов также отсутствовал такой, в котором бы был, хотя бы в форме наброска, систематический анализ истории и современного состояния конфигурации предметов и методов социологии и культурологии. Наиболее провокационным оказался доклад доктора философских наук Эльны Александровны Орловой «Социология и теория культуры: Проблемы взаимосвязи». Науку культурологию и теорию культуры Э.А. Орлова с присутствующим социологам и представителям других древнейших наук снобизмом просто отрицала, оставив право на существование только антропологии. Сравнивая же социологию и антропологию, Э.А. Орлова отметила структуралистический характер первой и отсутствие интереса к повседневному историческому бытию, восполняемые в антропологии, использующей структуралистские методы и направленной как раз на повседневность. Эти противопоставления также грешат излишней искажающей реальность концептуальной мощью. Социология повседневного бытия возможна по существу, и в море современных исследований социальных процессов занимает значительное место, а структурная антропология – вообще почти идиоматическое словосочетание. Запомнился и доклад П.К. Гречко, в котором прозвучал анализ множества интересных и продуктивных характеристик культуры Постмодерна: ее полилогичности, диффузности, глобальности и других.

Сами дискуссии содержали немало интересных идей. А.Б. Гофман обратил внимание на то, что кризис социологии не является свидетельством ее упадка, а характеризует нормальное состояние развивающейся науки, и что в ходе этого кризиса социология перестала выстраивать жесткие детерминирующие весь исторический мир социальные схемы, а обратилась к изменчивым и трудноуловимым, индивидуально ориентированным состояниям общества. Поэтому поворот к культуре – это не вызов социологии со стороны, а ее собствен-

ный этап развития. С другой стороны, парадигмальные состояния культуры в условиях глобального мира, в котором происходит смешение всех социальных и культурных идентичностей, сегодня также невозможны, что делает невозможным и классическую схему культурологического анализа, сводящего всякий артефакт культуры к производящей его модели. Это состояние общества и культуры было определено как Постпостмодерн, который необходимо изучать сообща, но сохраняя при этом строгость правил перевода языка одной научной дисциплины на другую, на которой справедливо настаивал В.М. Розин. Среди важнейших характеристик Постпостмодерна была названа способность к самоограничению. Пользуясь терминологией *memory studies*, перспективность которых утверждалась одним из участников дискуссии, можно назвать традиционную культуру культурой памяти, Модерн – культурой забвения, Постмодерн – культурой ностальгии, а Постпостмодерн – культурой надежды. В конференции приняли участие и зарубежные гости. Президент Академии философии Бразилии, профессор *Жоао Риккардо Модерно* познавательным образом рассказал об условиях и формах организации философии и *cultural studies* в его стране, а заведующая кафедрой социологии культуры Института философии и социологии Польской академии наук *Эльжбета Тарковска* прочитала внушительный список ее польских коллег, так или иначе связанных с разработкой основных проблем конференции. Оба зарубежных профессора отметили их локальный, вызывающий интерес только у российских ученых, характер. Нельзя не упомянуть и оригинального, даже экстравагантного В.Л. Рабиновича, который своими многочисленными выступлениями, балансирующими на грани науки и искусства, очень украсил всю работу конференции.

Итоговый круглый стол под названием «Социология и культурология: Борьба за логос» вновь, к сожалению, был сведен к спору о том, существует ли культурология. Аргументы противников сводились к тому, что крупных культурологов нет, а все имена, относимые в учебниках к классикам культурологии, на самом деле принадлежат другим научным сообществам и дисциплинам. Но культурология – молодая и отечественная научная традиция. К числу выдающихся культурологов, не гнушавшихся такой атрибуцией, относятся такие ученые, как Ю.М. Лотман, М.С. Каган и многие другие. Предмет культурологии уникален и не принадлежит ни социологии, ни антропологии, ни какой-либо другой дисциплине. Все, что создано руками человека, можно изучать в зависимости от того, под каким углом зрения и какой конкретно тип артефактов берется во внимание. Но только культурология в состоянии исследовать это целостно, и в основе подобной целостности лежат реальные явления – порождающие культуру ценностные модели. Переходный и кризисный характер присущ любой социально-гуманитарной науке эпохи Постмодерна, в которой мы живем. Модернистский пафос отрицания авторитета традиции и абсолютной новизны собственного научного предмета уходит в прошлое, оставляя за собой множество эвристически ценной техники и неоправдавшихся претензий. На смену самоутверждению пришла интеграция. Она, конечно, может носить различный характер: выступать в роли простого обобщения (трансгрессии) или редуцировать одну научную дисциплину к другой (редукция). Если культурология будет оставаться только учебным курсом, пассивно регистрирующим результаты других наук в ходе сомнительных обобщений, и не приобретет собственного метода, редуцирующего эти результаты к собственным научным схемам и терминам, она обречена. Если же аксиологическая или какая-либо иная редукция будет продолжаться, – в чем я, например, не сомневаюсь, – уже через несколько десятилетий традиция российской культурологии получит солидное обоснование в виде собственной истории.

В заключение хотелось бы поблагодарить организаторов конференции за большую проделанную работу и выразить надежду на то, что дискуссии такого рода будут продолжены, ибо они вызывают неподдельный интерес.